

Р. 16, Б. 0. 11.

18.181.1.736

Изъ разказовъ родныхъ о 1812 годѣ.

(Извлеченіе изъ семейныхъ записокъ.)

Дѣдъ мой Андрей Ивановичъ Лебедевъ *) въ 1812 году былъ священникомъ въ Москвѣ при церкви Николая, что слыветъ „Мокрое“ въ Зарядѣ. Домъ его, въ которомъ онъ жилъ съ семьей, стоялъ у самыхъ Проломныхъ воротъ, при-
слонившись къ Китайской стѣнѣ.

Во второй половинѣ августа 1812 года съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе приходилось москвичамъ выходить изъ обыденной ихъ колен. Видимое дѣло, что къ Москвѣ надвигается что то незданное, необычное. Между тѣмъ въ Москвѣ шелъ рекрутскій наборъ, по тогдашнему обыкновению обязательно сопровождавшійся воємъ и плачемъ, раздававшимся цѣлое утро какъ у самаго рекрутскаго присутствія, такъ и по всѣмъ прилегающимъ къ нему улицамъ. По улицамъ Москвы то и дѣло шли войска. Къ концу августа ихъ направленіе было замѣтно въ одну сторону — отъ Дорогомиловской заставы по Арбату къ набережной р. Москвы подъ Кремлемъ и чрезъ Москворѣцкій мостъ къ Серпуховской и со-
сѣднимъ заставамъ. Жившіе въ домѣ дѣда саечники выносили на рогажахъ горы саекъ на улицу къ Москворѣцкому мосту и за день продавали ихъ все безъ остатка проходившимъ солдатамъ.

Сборы рождественника дѣда — московскаго архіепископа Августина къ отправкѣ изъ Москвы ризницъ и собственнаго имущества, о чемъ извѣстія въ домѣ дѣда

*) Окончивъ въ 1793 г. курсъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, рукоположенъ епископомъ Дмитровскимъ Серадіею въ священника Срѣтенскаго сорока къ церкви Св. Софіи Премудрости. 1798 г. переведенъ въ Зарядо къ церкви Покрова пресвятыя Богородицы, что слыветъ „Мокрое“. 1819 г. возученъ въ награжденіе скуфью и бровенный патерный крестъ изъ Владимірской земли за 1812-й годъ. 1826 г. награжденъ каждавою. 1830 г. октября 2 дня умеръ отъ холеры. Печатные его труды: 1) Краткая латинская фразеологія, М. 1816; 2) M. Tullii Cicerois, si des placet, consolatio, М. 1822; 3) Россійско-латинскій словарь, съ при-
соединеніемъ латинскихъ синонимовъ и фразовъ. 4 части. М. 1825—1826.

доходили прежде всего и скоро чрез его брата иеромонаха Месодія *) , казначея Знаменскаго монастыря и кромя того приходившія со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія, что французы идутъ прямо на Москву, заставили дѣда рѣшительно подумать также о спасеніи своей семьи и выѣздѣ съ нею куда нибудь подальше отъ Москвы. Онъ началъ собираться въ дорогу, вынесъ свое ижініе изъ дому въ кладовую подъ церковь. Августинъ позволилъ взять 300 руб. денегъ на дорогу взаймы изъ церкви.

23 августа по настоятельному совѣту прихожанки помѣщицы Натальи Васильевны Таишевой (ея домъ въ Зарядѣ перешелъ послѣ къ Варгину), пришедшей навѣстить больную жену **) дѣда, рѣшили наконецъ непрежѣнно выѣхать изъ Москвы на другой день и вечеромъ же дѣдъ послалъ двоихъ сыновей Дмитрія *** (12 л.) и Ивана **** (10 л.) за Москву рѣку на Якиманку извѣстить зятя своего Алексѣя Матвѣевича Виноградова *****), чтобы онъ съ своею женою собрался на другой день выѣтъ ѣхать изъ Москвы. Насколько тогда было безопасно въ Москвѣ, можно судить потому, что мальчики, проходя чрезъ Каменный мостъ, были раздѣты и обобранны. Несмотря однакоже на это, они всетаки доставили домой отъ сестры сундукъ съ ея имуществомъ въ полной сохранности. А въ сундукѣ въ числѣ прочаго былъ и лисій чернобурый салопъ, крытый бѣлымъ атласомъ, который по нуждѣ въ дорогѣ былъ проданъ въ гор. Владимірѣ за 1000 руб. асс., кажется, губернаторшѣ. Какъ этотъ сундукъ, такъ и еще другой были зашты въ кожу, снятую съ подушекъ дивановъ и креселъ, и везлись съ собою въ дорогу; взята была мѣдная и оловянная посуда, незабыто было также и оружіе — какая то изломанная шпага, которая скоро въ дорогѣ на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ провалилась подъ полъ.

24 августа, утромъ дѣдъ, отелуживъ въ своей церкви послѣднюю обѣдню, нанялъ гдѣ то двѣ кибитки парами и пріѣхалъ съ ними домой на дворъ. Кое какъ уложили свое имущество и на одну изъ кибитокъ помѣстили покояйнѣ бабушку, которая была тогда больна; а за кучера у ней пристроился ея десяти-

*) „По небытности въ семъ (Московск. Знаменскомъ) монастырѣ настоятеля (игуменъ Павлоскій) былъ вызванъ въ Петербургскую Академію на должность бакалавра) казначей иеромонахъ Месодій, жившій въ гдѣлѣхъ своихъ оной монастырѣ, 31 августа 1812 г. выѣхалъ съ монастырскими вещами въ г. Вологду“. (См. Историч. описаніе Моск. Знак. и — ра. М. 1896. стр. 39). А вотъ изъ современной, изходящей у меня, о семъ записки: „1812 года сего августа мѣсяца 31 числа выѣхалъ иеромонахъ Месодій изъ столицы Московской отъ полудни въ три часа въ Вологду съ ризницей его преосвященства и со всеми его имуществомъ и ризницею Саввина монастыря во время нечастное отъ нахождения летѣльнаго врага — французовъ“.

**) Марія Дмитриевна, урожд. Огаровская.

***) Умеръ штабъ-лекарь отъ чумы подъ турецкою крѣпостью Бургасъ (26 ноября 1829 г.), гдѣ и погребенъ съ прочими 11-ю московскими врачами, съ которыми онъ былъ посланъ въ армію.

****) Докторъ медицины и хирургія, профессоръ акушерства и судебной медицины въ Московской Медицинской Хирургической Академіи, московскій штабъ-физикъ; умеръ 1876 г. 2 марта.

*****) Былъ женатъ на Псковскѣй Андреевнѣ Лебедевой и въ шестидесятихъ годахъ былъ священникомъ въ Московскомъ Рождественскомъ монастырѣ; умеръ въ отставкѣ.

дѣтній сынъ Вава, которому это путешествіе конечно доставляло большое удовольствіе. Кромѣ ихъ поѣхали съ дѣдомъ другой сынъ Митя, дочь съ мужемъ, двѣ малолѣтнія дочери и двѣ служанки. Они путь свой держали на Коломну, близъ которой почью къ кибиткамъ дѣда, какъ и къ прочимъ бывшимъ попутчикамъ, приступали жѣтвые мужики съ рогатинами и грозились избить ихъ всёхъ за то, что „Москву проишли на чаю“. Пришлось всёхъ откупаться девягами.

26 августа, въ день Бородинскаго сраженія, наши путники были въ Коломнѣ, гдѣ народу и коннаго и пѣшаго было вездѣ великое множество. Остановиться было бы негдѣ, если бы у дѣда не было разрѣшенія Августина поселиться въ архіерейскомъ домѣ, на широкій дворъ котораго они и вѣхали, предпочитая тутъ перебыть все время до возвращенія въ Москву. Было уже 7 часовъ вечера, уставъ очень съ дороги, всё думали объ отдыхѣ и кто какъ могъ устроились на ночлегѣ. Мальчики же, сыновья дѣда, побѣжали по дому, желая осмотрѣть такую диковинку. Большіе со сводами архіерейскіе покои были пусты; въ одномъ изъ нихъ, у печки на полу они прилегли полежа, накрылись своими коротенькими навковыми сюртученками и заснули самымъ крѣпкимъ сномъ. Спали до тѣхъ поръ, пока проснулись отъ холода; ихъ сюртученки не могли несколько согрѣвать, и такъ до утра они болѣе уже не могли заснуть и согрѣться. Утромъ къ дѣду въ архіерейскій домъ набралось множество такихъ же, какъ и онъ, бѣглецовъ, которые по московскому съ ними знакомству желали воспользоваться даровой квартирою на время остановки.

Дѣдъ прожилъ въ Коломнѣ около недѣли и въ это время онъ отпустилъ сыновей съ затемъ съѣздить въ г. Егорьевскъ къ брату *) своей жены. Они на дорогѣ встрѣтили его жену, которая ѣхала въ Коломну поискать своихъ московскихъ родныхъ, будучи увѣрена, что они, какъ и всё, должны были бѣжать изъ Москвы отъ непріятеля. Уговоривъ нашихъ путниковъ ѣхать къ ней и тамъ ожидать ея пріѣзда, она сама направилась въ Коломну и пріѣхала туда какъ разъ во время, чтобы успокоить остававшихся тамъ и страшно напуганныхъ проходившимъ чрезъ городъ какимъ то нашимъ отрядомъ и распутившимъ слухъ, что за ними гонятся французы. Множество народа бросилось изъ Коломны вонъ и городъ замѣтно опустѣлъ, а дѣдъ съ семьєю были просто въ отчаяніи за судьбу уѣхавшихъ сыновей и зятя. Но Егорьевская рождественница скоро ихъ всёхъ успокоила, разсказавъ что она ихъ встрѣтила въ добромъ здоровьѣ и что они навѣрно уже теперь въ г. Егорьевскѣ, куда тотчасъ же собрались и выѣхали всё. Прибывъ въ Егорьевскъ, разсчитывали тутъ остановиться на все время, но вдругъ 30 августа, въ воскресенье, рано утромъ были разбужены необыкновеннымъ шумомъ на улицѣ. Такъ и стояло въ воздухѣ скрипъ

*) Иванъ Дмитриевичъ Стасовскій.

немазанных колесъ, крикъ погонщиковъ, ржаніе лошадей и жычаніе воловъ, стоны и плачъ раненныхъ, привезенныхъ сюда прямо съ Бородинскаго поля.

Въ то время въ Егорьевскѣ была одна главная улица—большая дорога, на ней и оставились весь прибывшій обозъ; стали по сторонамъ дороги складывать на землю сначала умершихъ въ дорогѣ, а затѣмъ и раненныхъ. При обозѣ былъ всего на всего только одинъ врачъ; ему на помощь прибѣжалъ мѣстный уѣздный врачъ и они вынули однихъ пуль чуть не цѣлый коробокъ въ нѣсколько фунтовъ.

Черезъ нѣкоторое время раненныхъ повезли дальше. Дѣдъ, какъ священникъ, участвовалъ какъ въ погребеніи умершихъ, оставленныхъ въ Егорьевскѣ, такъ и въ напутствованіи умирающихъ раненныхъ, пока они находились въ этомъ городѣ. По увозѣ раненныхъ болѣе продолжительное пребываніе въ Егорьевскѣ казалось небезопаснымъ, какъ коренные жители, такъ и прибывшіе бѣглецы стали удалиться изъ него, направляясь къ г. Мурому, въ дремучіе его лѣса. Дѣдъ съ семьею потянулся туда же; прибывъ въ Муромъ, онъ поселился на квартирѣ у какой то очень сварливой секретарши, заявлявшей даже претензію за порчу оконныхъ стеколъ будто бы тѣмъ заячьимъ мѣхомъ, изъ котораго по случаю наступившихъ морозовъ спѣшили собственноручно пошить дѣтамъ шубки, чтобы можно было въ случаѣ надобности съ ними ѣхать въ дорогу. И дѣйствительно, уже въ октябрѣ пришлось ѣхать въ г. Владиміръ и тамъ уже оковчательно поселиться. Вначалѣ ноября, когда стало слышно объ оставленіи неприятелемъ Москвы, дѣдъ вдвоемъ съ своимъ зятемъ ѣздили въ Москву посмотрѣть, что сталося съ ней и съ ихъ домами и вообще чтобы рѣшить, можно ли будетъ и когда возвратиться домой.

Приѣхавъ въ Москву, улицъ въ ней не нашли, а громадное черное поле съ торчащими на немъ кое-гдѣ закоптѣлыми каменными стѣнами, обгорѣлыми столбами и полуразрушенными печами съ трубами. Ъхали по Москвѣ по памяти, соображая дорогу по церквамъ. Дымилось еще повсюду, вездѣ валялись обугленные бревна, доски, ломанное оружіе; убирали трупы людей и животныхъ, свосили ихъ въ кучи, складывали на костры и жгли, отчего по всему городу распространился страшно удушливый, смрадный дымъ, отъ котораго дѣдъ, проходя по Пековой горѣ и смотря какъ внизу пронеходило это ауто-да-фе, чуть было не задохся. Онъ даже уваль, закашлялся и кашель его не оставлялъ уже до самой смерти.

Дома дѣда и зятя сгорѣли; имущество изъ церковной кладовой было все разграблено, остался тамъ только одинъ самоварный кранъ, а въ сгорѣвшемъ домѣ уцѣлѣла желѣзная кочерга, висѣвшая на обгорѣлой каменной стѣнѣ у печи. По свидѣтельству родственницы дѣда, случайно оставшейся въ Москвѣ все время пребыванія въ ней неприятеля, имущество какъ дѣдово, такъ и прочихъ московскихъ жителей было разграблено и увезено на лошадяхъ по под-

московнымъ деревнямъ влетѣвшими какъ саранча оттуда мужиками незадолго до вступленія непріятеля въ Москву.

Изъ этихъ грабителей были такіе ужьмы, которые быстро находили и все то, что было зарыто москвичами въ землѣ на дворахъ, по погребамъ. Увозилось ими все, и мелкое и крупное, не пренебрегали и книгами, которыхъ находилось множество по нѣкоторымъ барскимъ домамъ. По уходѣ непріятеля изъ Москвы все награбленное вывозилось для продажи на Красную площадь, гдѣ первое время все возвращавшіеся москвичи покупали себѣ провизію и все необходимое.

Дѣдъ, увидавъ въ Москвѣ Августина, получилъ отъ него благословеніе и приказаніе скорѣе возвращаться въ Москву помогать приводить разоренныя церкви въ порядокъ. Предстояло и скорое освященіе между прочимъ въ Знаменскомъ монастырѣ, въ которомъ Августинъ разрѣшилъ дѣду остановиться и жить тамъ до тѣхъ норъ, пока отстроится его дождь. Дѣдъ успѣлъ 26 ноября привезти всю свою семью въ Москву и прямо въ пустую баню Знаменскаго монастыря, въ которой, несмотря на отсутствіе рамъ и дверей, съ радостью разжѣтились кто какъ могъ поудобнѣе; даже для маленькой дочери нашлось корыто, изъ котораго ей устроили люльку.

На другой день, на Знаменье, Августинъ освящалъ нижнюю церковь въ Знаменскомъ монастырѣ; передъ вечеромъ онъ съ ректоромъ Симеономъ (послѣ Черниговскій епископъ) и префекторомъ Парвеніемъ (еп. Воронежскій впоследствии) зашли къ дѣду въ баню повидаться съ его семьей, посмотреть какъ она устроена. Одна изъ маленькихъ дочерей дѣда, увидавъ монаховъ съ крестами на груди и сопровождаемыхъ по случаю темноты съ большими зажженными свѣчами, стала на нихъ молиться. Августинъ хотя и улыбулся, но видя всю неприютность помѣщенія семьи своего родственника съ теплымъ участіемъ предложилъ немедленно перевести всехъ въ келью, бывшую рядомъ съ настоятельской. Это помѣщеніе оказалось и удобно и достаточно просторно, такъ что дѣдъ нашелъ возможнымъ приютить у себя знакомыхъ московскихъ купцовъ — Андрея Сидоровича Корзинкина, Лобкова и Борисовскаго.

Въ это время на Красной площади стали уже кое чѣмъ торговать, вывози большею частью товаръ на ручныхъ салазкахъ. Дѣдъ купилъ тамъ на платье женѣ и дѣтямъ, *бахты*, считавшейся тогда самой дешевой матеріей. Бабушка, видя свое полное разореніе, перѣдко плакала и горевала. Корзинкинъ и другіе сожителѣ утѣшали ее какъ могли и наконецъ дали дѣду взаймы до 40 тысячъ рублей на постройку дома, которая была тогда очень дорога, тѣмъ болѣе что домъ нужно было строить каменный, а подъ фундаментъ, вслѣдствіе близости Москвы рѣки, пришлось бить много свай. Выстроенный тогда дождь стоить и теперь (1898-й годъ), не потребовавъ въ теченіи 85-ти лѣтъ ни разу какого-либо капитальнаго ремонта.

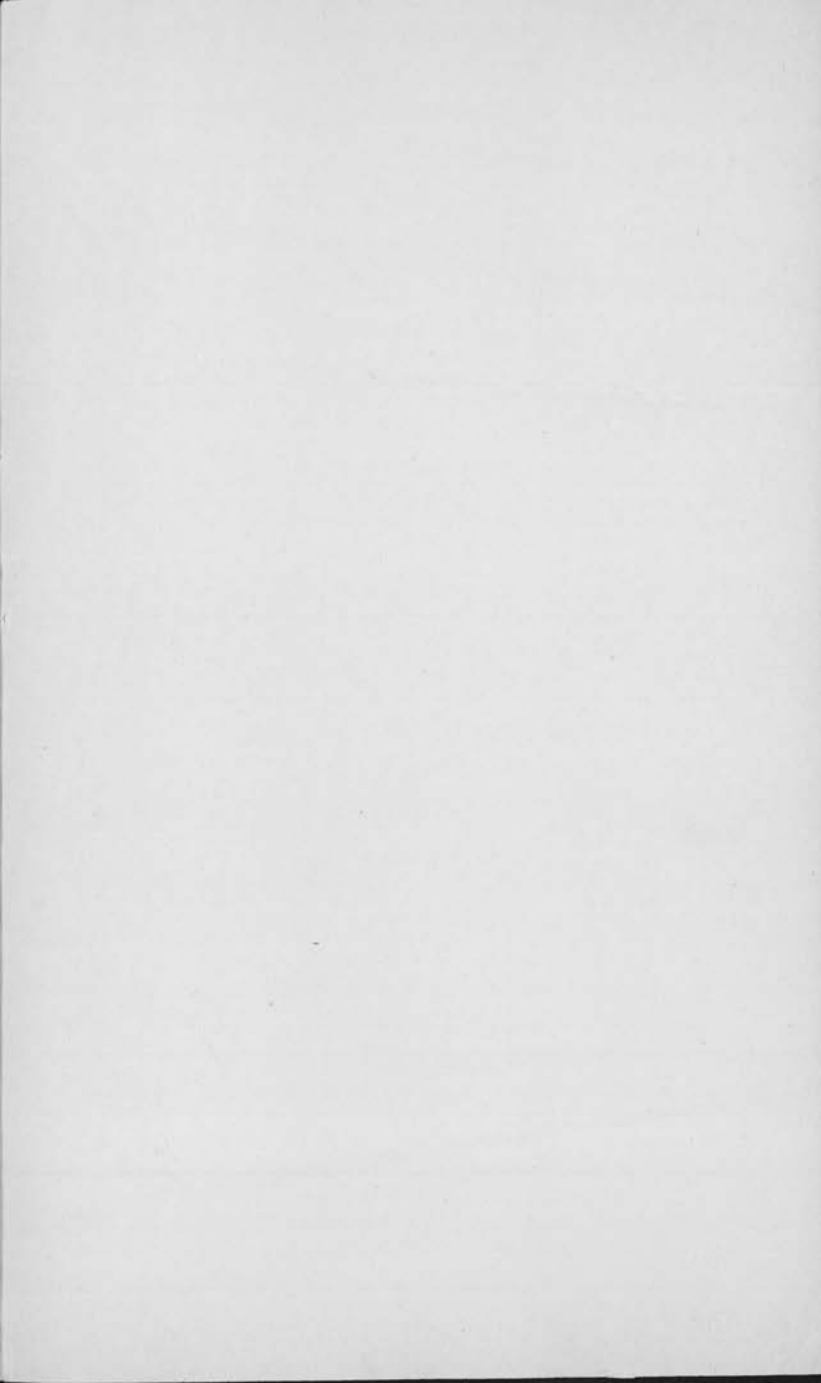
Вышеупоминавшаяся рождественница, которая почему то не могла заблаговременно уехать из Москвы, оставшись здесь, претерпевала все время пребывания неприятеля и голод и холод и всякого рода лишения. Она рассказывала, что в день вступления Наполеона в Москву она, бывъ на Смоленском рынкѣ и видя толпу народа, собравшагося на перекресткѣ (гдѣ теперь булочная Савостьянова), остановилась и, прислушавшись, поняла, что здѣсь ждутъ скоро прихода войска, которое прислано нашему царю на подмогу отъ заграничной родни. Подождавъ немного, она услышала музыку, какъ бы за Дорогомиловскими мостомъ, а чрезъ нѣкоторое время пошли мимо ея войска въ медвѣжьихъ шапкахъ, во главѣ которыхъ оказалось ѣхалъ верхомъ самъ Наполеонъ съ громадною свитою. Тутъ народъ снималъ шапки и изъ толпы зѣвакъ какіе то люди подносили хлѣбъ-соль и что то говорили съ самимъ Наполеономъ. Наша рождественница скоро поняла обманъ и рѣшилась во что бы то ни стало убѣжать изъ Москвы куда нибудь, для чего стала сговариваться съ такими же горемыками, какъ и она. Наконецъ собрались въ дорогу всѣ кто какъ могъ; она раздобыла гдѣ то цѣлую ковригу ржаного хлѣба и, неся ее въ ящикъ чрезъ Спасскія ворота, ваткнулась прямо на неприятельскихъ конныхъ солдатъ, ѣхавшихъ въ своихъ медвѣжьихъ шапкахъ въ самыхъ воротахъ. Она остолбенѣла отъ такого басурманства, ею невиданнаго и неслыханнаго, и не замѣтила, какъ у нея отняли ящикъ со всемъ добромъ и погнали ее ко дворцу, гдѣ въ одной изъ небольшихъ комнатъ ее заставили варить картофель, а сами помогали ей мыть его, для чего откуда то притащили грязную лоханку съ водою, въ которой насыпанный картофель мыли грязнымъ вѣшникомъ, который очевидно раньше употреблялся для метенія пола. Едва-едва чрезъ нѣсколько дней удалось ей ночью убѣжать изъ Кремля и, рано утромъ очутившись среди могилъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, въ обществѣ другихъ горемыкъ, заснула крѣпкимъ сномъ, порѣшивъ днемъ идти куда глаза глядятъ — къ Клину, къ Твери. Недолго однакоже они покоились здѣсь. На нихъ скоро наѣхали неприятельскіе солдаты, обобрали у нихъ последнее и погнали предъ собою въ Москву, заставивъ нести на себѣ награбленное ими гдѣ то подѣ Москвою въ прошедшую ночь. Такъ ей и не пришлось уйти куда-либо изъ Москвы.

А. Лебедев.

20825
98

18.181.1736